ИЗДАНІЕ РЕВОЛЮЦІОННО-СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ „СВОБОДА“

Изъ № 1-го «СВОБОДЫ».

Уголовные и политическіе преступники.

Петра Карповича, убившаго министра „народнаго просвѣщенія“ Боголѣпова за его каторжное обращеніе со студентами, судили не какъ политическаго преступника, но какъ уголовнаго.

„Политическій“, „уголовный“ — не все ли равно? „Хоть горшкомъ назови, только въ печку не ставь“ — говоритъ русская пословица, а тутъ какъ разъ именно и ставили: судили его, какъ „уголовнаго“, и присудили къ каторгѣ и, если бы судили, какъ „политическаго“ — опять ему той же каторги (а то и висѣлицы) не миновать бы... И такъ, не все ли равно: „уголовный“ или „политическій“?

Нѣтъ, не все равно! Дѣло не въ наказаніи, а въ немъ то другомъ, — болѣе сложномъ и болѣе глубокомъ.

Надъ этимъ стоитъ задуматься.

УГОЛОВНЫЕ.

Прежде всего — что такое преступленіе?

Преступленіемъ считается нарушеніе порядковъ, установленныхъ закономъ или установившихся помимо закона, а потомъ признанныхъ имъ хорошими и справедливыми. Гдѣ есть законъ — тамъ есть и преступленіе. И не только есть, но и должно быть. И вотъ почему: законъ принимаетъ подъ свою защиту такіе порядки, которые сами суть *преступленія предъ человѣчествомъ*, мѣшаютъ людямъ жить хоро-

шо и счастливо. Немыслимо, чтобы никто не подымался противъ такихъ порядковъ, а, подымаясь противъ нихъ, онъ тѣмъ самымъ подымается и противъ законовъ, и, слѣдовательно, его наказываютъ, какъ преступника.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ Московской губерніи много ткацкихъ фабрикъ, гдѣ на одинъ станокъ приходится по два ткача, тогда какъ одинъ ткачъ въ состояніи управиться по меньшей мѣрѣ съ двумя станками. Что это значитъ? Это значитъ, что существуетъ цѣлая толпа „запасныхъ" ткачей, выходящихъ на работу лишь для замѣны заболѣвшихъ товарищей, при спѣшныхъ заказахъ и т. д. Можете себѣ представить, какъ живется этимъ людямъ на ихъ скудный заработокъ, сколько тутъ голода и неотвязныхъ думъ о завтрашнемъ днѣ!... Тамъ сгорѣлъ заводъ, тамъ почему либо прикрылась фабрика, тамъ сократили производство товара — и цѣлыя тысячи должны остаться безъ работы и, значитъ, безъ хлѣба... Весь югъ Россіи стонетъ отъ страшной безработицы — на заводахъ заготовлено товаровъ больше, чѣмъ ихъ въ состояніи купить люди со средствами, а голытьбѣ, хоть и нужны эти товары — ихъ покупать не на что, и вотъ заводы все больше и больше пріостанавливаютъ свою работу, а народъ голодаетъ... Всюду онъ голодаетъ — и на берегахъ морей, Волги и Днѣпра, когда замерзаютъ порты, и въ глухихъ деревняхъ, гдѣ отъ земли никакъ не прожить, ибо у мужиковъ ея такъ мало, что хорошій ѣдокъ могъ бы въ годъ изжевать всю эту землю...

Что дѣлать безработному люду?

Иные изворачиваются какими то непостижимыми путями, мѣняя шило на мыло, бѣгая взапуски съ лошадью отца Ивана Кронштадтскаго (серьезно : пробѣжитъ десять минутъ, держась за крыло пролетки, и пастырь броситъ ему монету), продавая на базарахъ на

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
107

особыхъ лоточкахъ мясо для крошечныхъ собачекъ-мопсовъ въ богатыхъ семьяхъ * и т. д.

Другіе изъ этого голоднаго люда живутъ милостыней, пухнутъ отъ голода и доходятъ до того — какъ это было не такъ давно въ Херсонской губ. — что цѣлой толпой ложатся подъ поѣздъ : или вези назадъ на родину безплатно насъ, мужиковъ, искавшихъ здѣсь работы и не нашедшихъ ея — или дави!...

Третьимъ остается одно : преступленіе. Не всѣ же угоняются за конемъ кронштадтскаго святителя и запасутся лоточками съ мясомъ для барскихъ мопсовъ и болонокъ, не всѣ станутъ просить милостыню (что, кстати, тоже преступленіе по русскимъ законамъ), да не всѣмъ и подадутъ пятакъ серебра на пропитанье...

И вотъ волей-неволей приходится итти воровать и грабить...

Воровство и грабежъ законъ считаетъ страшными преступленіями, а то, что человѣкъ не имѣетъ пищи, т. е. самаго необходимаго для существованія — это законъ проходитъ мимо : онъ тутъ и слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ.

Почему у этихъ людей нѣтъ пищи? Они не желаютъ работать?

Московскому ткачу очень и очень хочется работать, но ему говорятъ:

— Вашимъ братомъ хоть плотину для моря гати!...

Калужскій каменьщикъ неустанно ищетъ работы, но ему отвѣчаютъ :

— Вы пошли по своему ремеслу вотъ ужъ третье поколѣніе, съ дѣдовъ, — ослабѣли вы теперь... Мы лучше изъ другихъ мѣстъ возьмемъ каменьщиковъ...

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Самарѣ собралось изъ губерніи до 150 тысячъ голоднаго народа. Искалъ онъ работы, не находилъ ея, выпрашивалъ милостыню, не получалъ, сколько надо, — и вотъ онъ взялся за воровство и грабежъ. Взялся такъ, что задрожалъ мѣстный житель и закричалъ „караулъ!“, всполошились власти, начали пріискивать кой какую работу на самыхъ невы-

---

* Это тоже серьезно : въ Костромской губ. выработался даже цѣлый промыселъ — итти въ Москву торговать мясомъ для собачекъ.

годныхъ условіяхъ (голодающіе, вѣдь!), а главное — выпроваживать изъ Самары „лишнихъ людей“...

„Лишніе люди“, „запасные люди“... Это что еще за порода животныхъ? Посмотрите на лишняго — онъ ничуть не хуже самарскаго губернатора и всероссійскаго императора, а между тѣмъ начальникъ губерніи и царь оказываются заправскими людьми, а онъ, живущій въ этой губерніи и государствѣ, онъ, для блага и удобства котораго существуетъ и губернія, и государство — лишній, запасной... Царю и губернатору протодіаконъ выкрикиваетъ многолѣтія, а про работящаго человѣка или желающаго работы, но не находящаго ея — говорятъ такъ:

— Эхъ, хоть бы война.... Порасчистилось бы.... Много нынѣче народа расплодилось, другъ у друга кусокъ заѣдаютъ...

И говорятъ это не крокодилы, а самые обыкновенные и часто даже очень хорошіе и добрые люди. Они даже не понимаютъ, сколько звѣрства въ ихнихъ словахъ...

— Пожалуйте-де, Иванъ Парменовичъ, въ пушку или подъ пулю — для васъ обѣда на землѣ не приготовлено... Вы лишнимъ оказываетесь... Вы запасной человѣкъ....

Если добрые, хорошіе люди договариваются до пожеланія, чтобы пушкой порасчистился міръ — что это значитъ? Это значитъ, что всѣ существующіе порядки, охраняемые закономъ, никуда не годны: что же это, въ самомъ дѣлѣ, за хорошіе порядки, при которыхъ надо тысячамъ желать смерти, иначе другія тысячи не проживутъ, какъ слѣдуетъ! Смерти желаютъ только тогда, когда жизнь стала не въ моготу. Но неужели же людямъ необходимо жить такой „жизнью не въ моготу“? Вѣдь,

Одарило небо щедро
Благодатный этотъ край:
Жирнымъ хлѣбомъ, жирной пашней,
Жирной дичью — просто рай!

И вдругъ

Среди природы жирной,
Тощъ и скорбенъ, весь въ пыли, —
Человѣкъ — „вѣнецъ созданья,
Перлъ природы, царь земли“...

Неужели же это необходимо, чтобы одни ѣли муку, а другіе марались только этой мукой, таская на себѣ десятипудовые кули?

Эй, мужикъ! Этотъ хлѣбъ роскошный,
Эти звѣри, птицы — что ни видишь:
Все твое!

. . . . . .

Шапку снялъ: не становой ли?

Становыми (и „ваше благородіе“ и „ваше величество“ — это все становые) принята подъ охрану законовъ принадлежность и природы жирной, и звѣрей, и птицъ, и неба, и земли капиталистамъ. Это все ихняя *собственность*. Владѣя этой собственностью, они тѣмъ самымъ имѣютъ доступъ къ тѣламъ и душамъ работниковъ.

За свое золото, безъ котораго по нынѣшнимъ временамъ не прожить, они пріобрѣтаютъ работниковъ для своихъ каменноугольныхъ шахтъ, цинкоплавильныхъ заводовъ, спичечныхъ фабрикъ. Здѣсь люди дышутъ вмѣсто воздуха вредными испареніями и получаютъ заработную плату не только за работу, но и за жизнь: въ каждый полтинникъ вклепанъ тотъ день, которымъ работникъ становится ближе къ смерти. Этого никакіе законы не видятъ. Имъ видно убійство ножемъ и они разбираютъ долго и внимательно, на сколько лѣтъ каторги надо отправить за убійство тупымъ ножемъ, и на сколько лѣтъ — ножемъ острымъ. Тутъ убійство безкровное... Надышался ядами, вырабатывая яркую краску, окрашивающую платья, въ которыя рядятся однѣ только великокняжескія проститутки (какъ отмѣчаетъ Л. Н. Толстой) — какое жъ это убійство!...

Если бы человѣкъ былъ воленъ распоряжаться собой, а не былъ бы рабомъ голода, заставляющаго его браться за какую угодно работу, — онъ не пошелъ бы дышать этой краской или фосфоромъ... А теперь людей, готовыхъ ухлопывать свою жизнь въ каменноугольныхъ шахтахъ, въ цинкоплавильныхъ заводахъ, — капиталистъ можетъ найти гдѣ угодно.

Онъ — хозяинъ надъ этими людьми. Онъ всѣми силами старается уплачивать имъ возможно меньше за ихній трудъ и заставляетъ ихъ работать возможно больше часовъ. Еслибы у человѣка была своя настоящая, не

голодная воля, развѣ онъ когда нибудь подумалъ бы работать по 12, 15 часовъ въ сутки, развѣ онъ считалъ бы достаточнымъ за свой трудъ какую то ничтожную заработную плату? Теперь же ему приходится слишкомъ много подчиняться хозяйской волѣ...

А хозяйская воля руководится только своими выгодами. Сегодня она соберетъ вмѣстѣ тысячи рабочихъ, чтобы богатство богатѣло, а завтра она можетъ прикрыть заводы за невыгодностью и раскидать въ разныя стороны эти собранныя вмѣстѣ тысячи людей... Какое дѣло этой хозяйской волѣ до того, что безработные станутъ голодать! Она въ это же самое время цѣлыми кораблями—какъ это у насъ не такъ давно было въ Астрахани съ купцомъ Беззубиковымъ — уничтожитъ цѣлыя рыбныя богатства: слишкомъ много рыбы, цѣна на нее низка, если часть потопить и потравить — цѣна поднимется... Какое дѣло этой хозяйской волѣ до того, что низкая цѣна была бы полезна голодному люду... Вотъ тутъ кругомъ растутъ цѣны на муку, на мясо, на квартиры, а хозяйская воля не спѣшитъ поднимать и заработную плату, чтобы она была въ состояніи догнать растущія цѣны на жизненные предметы... Какое дѣло хозяйской волѣ до того, что мой ребенокъ прежде ѣлъ каждое утро яйцо, а теперь, когда повысились цѣны, сталъ сосать сухарь? Ей нѣтъ дѣла до этого...

Ей нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ своихъ выгодъ... Хозяйская воля однихъ устроила парижскую всемірную выставку, чтобы показать хозяйской волѣ другихъ *что* можетъ сдѣлать работникъ, подгоняемый голодомъ... Хозяйская воля, чтобы блеснуть на выставкѣ, заставила работать дни и ночи вотъ эту швею, а потомъ, когда прошла выставка, она сразу уменьшила всѣ заказы, и смотрите — швея ходитъ вечерами по парижскимъ улицамъ и заглядываетъ въ лицо каждому прохожему — за цѣлковый она продаетъ свое тѣло, ненужное теперь капиталисту и годное, можетъ быть, для развратника... Вы послушайте, какъ клянетъ она парижскую выставку, какъ клянетъ она всѣ порядки, погнавшіе ее на торговлю своимъ тѣломъ... Вы послушайте, какъ она разговариваетъ съ своей подругой, другой проституткой, восхищающейся этой выставкой, восхищающейся, ибо „иностранные гости были“. Много ихъ понаѣхало...

Платили хорошо... А теперь послѣ выставки, когда разъѣхались, цѣна упала — ахъ, какъ жаль!

Вы посмотрите на нихъ — вотъ живое осужденіе всѣхъ тѣхъ порядковъ, которые поддерживаются законами. Что изъ людей сдѣлала хозяйская воля!?...

Все что есть плохого въ мірѣ, — всему этому причиной является она, эта воля, существованіе капиталистовъ, владѣніе ими собственностью. Эта собственность въ рукахъ капиталистовъ пріучила цѣнить ни во что человѣческую жизнь; эта собственность вамъ прямо говоритъ: если за полтинничную заработную плату можно медленною смертью убивать человѣка въ угольныхъ шахтахъ, — то отчего за сто рублей нельзя прямо зарѣзать? Какая разница между ножемъ и удушеніемъ газами? Если можно воровать благороднымъ образомъ, выплачивая человѣку полтинникъ, когда онъ сработалъ на три рубля, — то почему нельзя воровать потихоньку, ночью? Если можетъ капиталистъ обворовывать голодный народъ, то почему этотъ голодный народъ не можетъ обворовывать капиталистовъ? Если капиталистъ можетъ мошенничать (напримѣръ, оставляя себѣ первый двухнедѣльный заработокъ рабочихъ до той поры, пока они не уйдутъ съ фабрики, и этимъ составляя себѣ оборотный капиталъ) — то почему голодному народу не мошенничать? Всякій развратъ, всякое надругательство надъ человѣкомъ, всякая мерзость и гадость, всякое преступленіе существуютъ потому, что существуетъ хозяйская воля, цѣнящая барышъ и ставящая ни во что человѣка. Этотъ человѣкъ живетъ въ такой жизни, охраняемой законами, что ему негдѣ и учиться то хорошему. Религія, правда, совѣсть, вѣра — это все на откупу у Капитала, все это ломается и гнется въ погонѣ за барышемъ.

Вы взгляните на преступниковъ. Развѣ люди родятся ими? Можно родиться горбатымъ и слѣпымъ, но не воромъ и убійцей. Ими не родятся, но дѣлаются.

Вотъ эти пошли на преступленія съ голода. Тутъ и московскій ткачъ, тутъ и калужскій каменьщикъ, у котораго отняли его рабочую силу капиталисты и вышвырнули его на мостовую... Теперь они обвиняются въ воровствѣ и грабежѣ... Тутъ и новгородскій мужикъ, котораго судятъ за кражу лѣса у помѣщиковъ: при на-

дѣлѣ землей правительство не отмежевало ему лѣса, а онъ ему нуженъ и для стройки, и для топки, и для подѣлокъ — и вотъ большинство дѣлъ, разбираемыхъ судьями Новгорода — это кража лѣса... Тутъ и... тутъ много такого народа!...

Всякій видитъ *что* его толкнуло на преступленіе. Но иногда настоящая причина воровства не видна. Сегодня въ харчевнѣ этотъ парень горохъ кушалъ, вчера жевалъ рубцы и теперь у него осталось, чтобы селянку заказать, а онъ всетаки идетъ и тянетъ, — ясное дѣло, что это :

— Озорникъ !

Но, вѣдь, этотъ то „ озорникъ “ выросъ изъ ворa-голодайки. Вчера онъ ходилъ воровать, краснѣя до корня волосъ, а сегодня онъ уже идетъ, заломивши шапку на бекрень и гордясь своимъ ремесломъ. Какъ работа натираетъ мозоли на рукахъ, такъ и преступленія мало по малу натираютъ мозолями душу. У насъ на Руси есть цѣлыя деревни, которыя занимаются нищенствомъ и воровствомъ — сначала они это дѣлали по нуждѣ, а теперь втянулись и говорятъ о себѣ :

— У насъ живутъ воры-работнички!...

Но можно и не быть сначала воромъ-голодайкой, можно сразу стать „ озорникомъ “. Бывали случаи, когда судьба закидывала образованныхъ людей къ дикарямъ и, долго проживая среди нихъ, они сами дичали. Точно такъ же и здѣсь: родился человѣкъ, какъ человѣкъ, живетъ онъ въ мірѣ, гдѣ идетъ у однихъ пиръ, другіе Лазарями маячатъ по свѣту, одни обдираютъ шкуру на законномъ основаніи, другіе отъ голода, третьи еще отъ чего нибудь. Кругомъ грязь, и выпачкаться въ ней ничего не стоитъ. Не то, чтобы человѣкъ, совершая преступленіе, разсуждалъ каждый разъ „ возьму, да и выпачкаюсь “ — нѣтъ, а просто это дѣлается само собой.

Или возьмемъ преступниковъ изъ „ жажды жизни “. Это вотъ что. Англійскій писатель Томасъ Лидсъ изображаетъ на судѣ стараго бродягу; коснѣющимъ отъ дряхлости языкомъ онъ обращается къ своимъ судьямъ :

Гдѣ родился я? Во тьмѣ подвала.
Гдѣ я росъ? на пыльной мостовой.
И не разъ бывало ночью
Припадалъ я къ ней усталой головой.

Ничему меня не научили,
Чтобы честно могъ я грошъ добыть,
Но я видѣлъ, что другіе жили
И самому хотѣлось жить.

. . . . . .

Мнѣ хотѣлось жить, когда кипѣла
Городская жизнь вокругъ меня,
И столица роскошью блестѣла,
Къ наслажденьямъ каждаго маня.
Слыша звуки музыки и пѣнья,
Слыша звукъ ночныхъ пировъ, —
Я стоялъ въ угрюмомъ озлобленьи
У подъѣздовъ каменныхъ дворцовъ.

Мнѣ хотѣлось жить во что бы то ни стало!
Ну и жилъ! Но какъ?!
Зачѣмъ вамъ знать, какъ успѣла выходца подвала
Тина грязной жизни засосать?!
Какъ попалъ онъ въ омуты столицы,
Проторивъ къ паденью скользкій путь...
Это жизни грязныя страницы
И теперь нельзя ихъ зачеркнуть!

Былъ я всѣмъ: бродягою и воромъ,
Въ экипажахъ часто ѣздилъ я,
Только чаще спалъ я подъ заборомъ,
Проклиная ближнихъ и себя.
Молодымъ сносилъ я бодро муки,
Но я сталъ и слабъ, и старъ теперь,
И рѣшился вамъ отдаться въ руки,
Какъ на травлѣ замореный звѣрь...

Я погибъ, какъ гибнутъ горемыки,
Я стою теперь передъ судомъ,
Какъ преступникъ. Явныя улики
Говорятъ вамъ о моемъ быломъ.
Присуждайте, гдѣ мнѣ жить:
Въ острогѣ, въ рудникахъ — чего меня жалѣть!
Мнѣ и такъ пришлось бы на дорогѣ,
Какъ собакѣ скоро околѣть....

Ему хотѣлось жить... Хотѣлось вмѣсто слушанья проповѣдей о томъ, что богатымъ надо пить вино, а бѣднымъ воду — самому пить вино, ѣздить въ экипажахъ и ночевать въ дворцахъ вмѣсто ночевки подъ мостомъ... И всего этого онъ иначе не могъ пріобрѣсти, какъ жизни грязными страницами, которыхъ теперь нельзя ужъ зачеркнуть... Но и испачкавшись въ грязи,

онъ все же не ушелъ далеко отъ того забора, подъ которымъ ему приходится, какъ собакѣ, скоро околѣть...

Преступленья растутъ за преступленьями... Отъ голода, отъ „озорства“, отъ „жажды жизни“, отъ неуваженія къ личности другого, — неуваженія, которое воспитывается капиталистическими порядками, — отъ общей бѣдности, которая, какъ дурной воздухъ, помогаетъ плодиться всякимъ вреднымъ насѣкомымъ (ростовщикамъ, мелкимъ мошенникамъ, покупщикамъ человѣческаго мяса для сбыта его въ публичные дома и проч.)...

Преступленья ожирѣвшей сытости — напр., мошенничество банкировъ, воровство должностныхъ лицъ, взяточничество и проч. — они показываютъ, до чего желательно было бы дойти всѣмъ теперешнимъ порядкамъ, еслибы ихъ совершенно разнуздать: „не церемонься, бери, хватай!...“ Но такъ какъ на землѣ воцарился бы въ полномъ смыслѣ адъ кромѣшный, то даже законы нѣсколько взнуздываютъ тѣ порядки, которые у нихъ же находятся подъ крылышкомъ.

Преступленья голода, „озорства“ и „жажды жизни“ — это есть борьба противъ всѣхъ существующихъ порядковъ. Это борьба грязи противъ грязи. Капиталистическій строй жизни валитъ человѣка въ грязь; не желая тонуть въ ней, онъ силится выскочить изъ нея и весь грязный бросается на своихъ враговъ. Онъ хочетъ у нихъ отвоевать маленькій кусочекъ жизни и счастья *для себя*. О другихъ онъ не хлопочетъ — всѣ другіе для него волки, и самъ онъ для нихъ волкъ и готовъ имъ перервать горло.

Капиталисту все равно, сгинетъ ли родъ людской или нѣтъ — лишь бы не сгибъ его барышъ, и тѣмъ преступникамъ, о которыхъ мы говоримъ, все равно — лишь бы себѣ самимъ удалось что либо урвать... Вотъ ему самому, этому Ивану Непомнящему, тѣсно и душно — и онъ выбивается изъ этой тѣсноты, отвѣчая на общее воровство всѣхъ капиталистовъ своимъ воровствомъ у капиталиста Сорокоумовскаго, на общій грабежъ капиталистовъ — грабежемъ какого то проѣзжаго богача, на убійство всѣхъ, большинства людей изъ-за барыша — убійствомъ прохожаго за двугривенный...

Это вы, господа капиталисты и защищающія васъ правительства вышѣстовали такую дѣточку... Отчего

же она вамъ такъ нелюба теперь? Отчего вы ее сажаете по тюрьмамъ, ссылаете, казните смертью? Говорятъ, вѣдь, что матери любятъ и своихъ уродовъ-дѣтей... А вы ихъ даже и не признаете собственными чадами: не мать-де ихъ родила, а тетка—говорите вы... Нѣтъ дѣти не отъ тетокъ, а отъ матерей родятся — и это ваши самыя настоящія, самыя законныя дѣти... Да и полно стыдиться ихъ: они не только не хуже васъ, отцовъ и матерей, — они въ тысячу разъ лучше васъ: своимъ воровствомъ, грабежомъ, насиліями и убійствами они приносятъ гораздо меньше вреда роду людскому, чѣмъ капиталисты и правительства... На ихъ душѣ меньше грѣховъ, меньше жизней человѣческихъ... Не конфузьтесь же своей семьи... Поцѣлуйте дѣтокъ... Г. Витте! Пока вы не успѣли различить выгодъ народа отъ выгодъ казны и вашихъ собственныхъ разсчетовъ отъ разсчетовъ казенныхъ, пока, значитъ, у васъ есть время, — покажите первый примѣръ господамъ капиталистамъ — облобызайтесь съ законными дѣтьми капитала, съ крестниками правительства!..*

---

* Каждый министръ финансовъ за годъ впередъ разсчитываетъ доходы и расходы казны, опредѣляетъ *бюджетъ*, то есть сколько надо получить казнѣ и сколько истратить; и потомъ втеченіи года министръ старается какъ можно точнѣе и аккуратнѣе выполнить этотъ бюджетъ. У тюремъ, каторги, эшафота (висѣлицы) тоже есть свой бюджетъ: доходъ и расходъ преступниками... И извѣстный ученый Кетле, изучивъ преступленія во Франціи, говоритъ, что каторжно-тюремный бюджетъ всегда выполняется точнѣе, чѣмъ бюджеты любого министра финансовъ... Министръ не выберетъ все до копеечки, тюрьма разсчитаетъ заранѣе все до послѣдней жертвы... Если подсчитать въ какой нибудь мѣстности или странѣ число преступленій за этотъ годъ, то можно, навѣрное, сказать, что и въ слѣдующемъ году ихъ будетъ какъ разъ столько же, разъ ничего тутъ не измѣнится во всей жизни, — напр., если не будетъ большого урожая или, наоборотъ, неурожая, если не произойдетъ войны и проч. Даже и больше того: ученые, изучивши преступленія въ Германіи, нашли, что и при войнѣ уменьшаются только убійства, но мелкія покражи остаются все въ томъ же числѣ...

Такая правильность въ преступленіяхъ происходитъ по той простой причинѣ, что и въ слѣдующемъ году такъ же, какъ и

ПОЛИТИЧЕСКІЕ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ англійскомъ парламентѣ— собраніи народныхъ представителей — соціалистъ Кэръ-Гарди говорилъ о страшномъ вредѣ, причиняемомъ Капиталомъ всему человѣческому роду. Мало того: онъ доказывалъ, что должны быть уничтожены порядки, при которыхъ страдаютъ работники. И этого мало: онъ обращался къ парламенту съ предложеніемъ, чтобы парламентъ серьезно обсудилъ тѣ мѣры, посредствомъ которыхъ и съ помощью государственной власти строй капиталистическій былъ бы измѣненъ въ строй соціалистическій.

Чѣмъ кончилось это дѣло — я не знаю, да и, по правдѣ сказать, меня это мало интересуетъ: про парламентъ говорятъ, что онъ можетъ сдѣлать все, не въ состояніи только женщину переродить въ мужчину — къ этому надо еще добавить: „и не въ состояніи строя капиталистическаго переродить въ соціалистическій“ .... Такія дѣла не парламентами дѣлаются, а неустанной борьбой работниковъ съ капиталистами и всѣми тѣми, кто беретъ ихъ подъ свою охрану ....

Въ этой исторіи меня интересуетъ совсѣмъ другое: Кэръ-Гарди говорилъ, его слушали, качали головами въ

въ этомъ, бываетъ столько же (если ничего не измѣняется) голодныхъ, разутыхъ, несчастныхъ людей... Громадное число преступленій — это преступленія противъ собственности, преступленія нищеты... Въ Англіи, напр., въ 1890 году изъ 37 тысячъ преступленій почти 32 тысячи были преступленіями противъ собственности. Нѣтъ ни одной страны, гдѣ эти преступленія не составляли бы самое большое число... И преступленія растутъ, бюджетъ тюремъ все увеличивается... Тюрьма, конечно, никого не исправляетъ, она еще больше ломаетъ людей, кто попалъ въ нее разъ, тотъ попадетъ и пятый, и десятый разъ, пока не умретъ на тюремной койкѣ...

Въ очень хорошемъ обществѣ мы живемъ! Пока оно не будетъ измѣнено, пока будутъ существовать богатство и бѣдность, владычество капиталистовъ и порабощеніе работниковъ — до той поры не уничтожатся преступленія... Они исчезнутъ только въ соціалистическомъ строѣ, когда одни не будутъ хозяевами надъ другими, а когда всѣ люди будутъ хозяевами надъ всѣмъ, что сработано ихъ же трудомъ.

знакъ несогласія съ нимъ, усмѣхались,сердились, инымъ ли какимъ способомъ выражали свое неодобреніе, но ни одинъ изъ слушавшихъ и не подумалъ крикнуть:

— Заковать его въ кандалы!

Во время рѣчи Кэръ-Гарди никто его не оборвалъ на полусловѣ, по окончаніи — никто не пригласилъ въ полицейскій участокъ. Самымъ спокойнымъ образомъ вернулся онъ домой и не сталъ, дрожа отъ волненія, жечь всѣ письма отъ друзей и знакомыхъ или какую нибудь завалявшуюся книжку о плохихъ порядкахъ на землѣ, не сталъ прощаться съ женой и дѣтьми (если они у него есть) и. т. д. Ему бояться нечего: ночью къ нему не ворвется шайка жандармовъ, не станетъ съ жадностью читать каждую строчку въ чужихъ письмахъ, не пригласитъ его пріятно провести время въ тюремномъ казематѣ до рѣшенія, куда еще дальше упрятать такого вреднаго человѣка....

А человѣкъ вонъ какой вредный: 1) говоритъ, что все плохо, 2) доказываетъ, что должно быть лучше и 3) не хочетъ, чтобы это лучшее откладывалось въ долгій ящикъ.

Если такого человѣка оставляютъ гулять на волѣ, это несомнѣнно значитъ, что тамъ порядки... не русскіе.

Развѣ у насъ допустимо осуждать все цѣликомъ, съ верху до низу? У насъ нельзя даже хоть что нибудь плохое находить въ русскомъ законодательствѣ и въ русской жизни.

На какой нибудь ткацкой фабрикѣ хозяинъ даетъ гнилыя нитки — это ему выгодно, а о выгодахъ рабочихъ онъ не справляется; единственнымъ путемъ заставить его улучшить пряжу, послѣ долгихъ обсужденій, оказалась стачка. Это, вѣроятно, могъ бы разобрать и пошехонецъ, заблудившійся въ трехъ соснахъ, но великоразумные царскіе законы этого никакъ не хотятъ понимать; „нельзя!“ — вотъ и все.

Въ какой нибудь деревнѣ мужики ни за что не хотятъ чтить святую троицу и признаютъ только одного бога въ одномъ, а не въ трехъ лицахъ. Можно ли заставить людей вѣрить въ то, во что они не хотятъ? А законъ говоритъ „вѣрь!“...

Какой нибудь писатель, видя эту нелѣпость и гнусность законовъ, хочетъ написать въ газетахъ и указать

необходимость свободы борьбы рабочихъ съ капиталистами и свободы вѣроисповѣданія — нельзя : законъ не позволяетъ.

Можно скорѣе иступить десятокъ перьевъ, чѣмъ перечислить все то, что запрещаютъ русскіе законы. Они связываютъ всякую свободу по рукамъ и по ногамъ. Мы не имѣемъ права думать иначе, чѣмъ думаетъ за насъ царскій законъ ; мы не имѣемъ права обсуждать наши дѣла ни посредствомъ собраній, сходокъ, ни посредствомъ печати, ни посредствомъ нашихъ представителей въ государственныхъ учрежденіяхъ — всего этого у насъ и не водится; намъ не полагается имѣть никакой собственной воли, мы не смѣемъ бороться ни съ притѣсненіями фабрикантовъ, ни съ царскимъ произволомъ.

Одинъ ученый лѣтъ 200 назадъ гадалъ о томъ, что вышло бы изъ человѣка, еслибы его выростить въ пещерѣ такъ, чтобы онъ не видѣлъ міра божьяго и не слышалъ голоса человѣческаго. Русское правительство теперь продѣлываетъ тотъ опытъ, о которомъ ученый гадалъ. Всѣми силами оно старается создать изъ Россіи пещеру, населенную слѣпыми, глухими, нѣмыми и разслабленными. Эту задачу неуклонно преслѣдуютъ сумасшедшіе русскіе законы.

Именно сумасшедшіе — это самое подходящее слово. Для кого они писаны ?

На первый взглядъ кажется всякому мало-мальски разумному человѣку, что они писаны для мертвецовъ. Вѣдь, всѣ запрещенія законовъ говорятъ : „не смѣй желать лучшаго, не смѣй выбиваться изъ худого“... Но можно ли обратиться къ живому человѣку съ такимъ приказомъ? Рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ — гдѣ лучше.

И если законы говорятъ : „не смѣй искать лучшаго, замри въ ежедневной тяготѣ, остановись !“ , — то имъ отвѣчаетъ жизнь :

— Вы совершенно сошли съ ума ! Кому вы это говорите ? Если мертвецамъ, у которыхъ нѣтъ потребности въ лучшемъ, — то имъ нечего говорить : „не стучи въ крышку гроба, не безпокой могильныхъ червей“ — они и такъ спятъ, не шелохнутся... Или вы для живыхъ людей ? Но вся жизнь состоитъ въ движеніи къ лучшему, въ исканіи его, въ борьбѣ за это

лучшее. Если бы не было такой борьбы, давно бы уже остановилась жизнь на землѣ, все бы замерзло и окостенѣло ; но, вѣдь, это немыслимо ! Какъ же вы смѣете говорить : остановись ! И вы послѣ этого не сумасшедшіе ? Да я вамъ даже скажу, какъ называется ваше умопомѣшательство : *бредъ величія*... Вы думаете, что отъ вашего окрика остановится жизнь цѣлой страны, милліоновъ народа ? Это ли не бредъ величія ? Или вы думаете, что и дѣйствительно все такъ хорошо, что лучшаго и не надо, думаете, что голодомъ можно питаться и холодомъ согрѣваться — о, какъ вы великолѣпны въ своихъ такихъ простыхъ, такихъ незатѣйливыхъ думахъ о родѣ людскомъ, объ его счастьѣ и довольствѣ ! . . . Разъ вы дошли до подобныхъ нелѣпостей — вы никому ни на что не годны. . . — Не кричите жизни : „остановись !“ — остановитесь сами. . . .

И, дѣйствительно, вы посмотрите, какъ жизнь — даже безъ всякихъ толчковъ мысли — бунтуетъ противъ царскихъ законовъ. Они запрещаютъ стачки, но эти стачки наперекоръ имъ все растутъ и растутъ. Они запрещаютъ вѣровать каждому, какъ ему подсказываетъ его совѣсть, но число вѣрующихъ не по православному все увеличивается и увеличивается. Они запрещаютъ писать обо всемъ, что происходитъ въ Россіи, но слово проходитъ и сквозь игольное ушко и хоть короткой вѣсточкой доходитъ до каждаго, кто имѣетъ уши.

Правда, еслибы не было запрета на все это, то и стачки, и тѣ или иныя вѣроисповѣданія, и печатныя сообщенія были бы гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперь. Это да. Но именно по этому самому необходима свобода отъ всяческихъ запретовъ. И необходимость свободы каждый разъ подсказывается самой жизнью, которую правительство стремится затушить. Оно само себѣ поминутно создаетъ враговъ.

Вотъ этотъ несчастный еврейскій рабочій — шестнадцать часовъ онъ сидитъ и, не разгибая спины, шьетъ таласы (облаченія, въ которыхъ молятся евреи) за свой трудъ онъ получаетъ самую нищенскую плату. Дольше терпѣть ему не въ моготу — ему, еврею, который такъ скроменъ въ своихъ потребностяхъ, что иногда ему позавидуетъ и китаецъ, готовый быть сытымъ на цѣлый день горсточкой рису ! И нѣсколько этихъ

евреевъ идутъ въ синагогу, молятся до одуренія за успѣхъ своего дѣла, плачутъ до опухоли глазъ и, наконецъ, объявляютъ стачку. Ничего они не думаютъ въ это время о томъ, что должна наступить пора, когда станетъ торжествовать Трудъ, и въ мысляхъ у нихъ нѣтъ о царяхъ — имъ бы только лишній пятачокъ отвоевать себѣ, чтобы можно было пріобрѣсти чесноку въ волю или селедку на всю семью ... Но явятся правительственные ангелы и архангелы, начнется сыскъ, слѣдствіе, высылки и, значитъ, враговъ правительства, прибыло! ... Шагъ, два, три впередъ сдѣлаютъ эти доселѣ забитые и ежившіеся въ комочекъ — и они будутъ соціалистами, гордо и сознательно выступающими на борьбу уже не за головку чесноку для себя, а за благо обездоленнаго люда, за попираемыя человѣческія права и торжество рабочаго класса!...

Возьмемъ въ примѣръ людей не изъ рабочихъ. Вотъ вамъ Николай Евгеньевичъ Сухановъ.

Былъ онъ морскимъ офицеромъ. Еще учась въ морскомъ училищѣ, онъ слышалъ о томъ, что людей ссылаютъ въ Сибирь за какія то политическія преступленія, и поражался большому числу этихъ людей. Самъ собой у него возникалъ вопросъ : за что же такъ расправляются съ этими людьми ? И когда, уже сдѣлавшись офицеромъ, онъ ѣхалъ въ Сибирь на службу и по дорогѣ встрѣчалъ этихъ политическихъ и знакомился съ ними — удивленію его не было конца: въ большинствѣ случаевъ хорошіе люди, вина которыхъ состоитъ въ томъ, что они всю свою молодую, горячую силу принесли на служенье народу, все свое время отдали на думы о счастьѣ этого народа и разъясненіе ему той правды, отъ которой такъ старательно огораживаетъ его правительство... Они твердо вѣрили въ мощь своего справедливаго слова, нѣкоторымъ изъ нихъ даже казалось, что передъ правдою этого слова зарыдаютъ и палачи, и тюремщики выронятъ ключи изъ своихъ рукъ... До извѣстной степени даже оправдывалась ихъ вѣра : сибирское тюремное начальство само изумлялось, какъ такихъ честныхъ и хорошихъ людей собираются гноить въ Сибири!... Но сибирское начальство — это еще мелкота, которой не возбраняется имѣть настоящее сердце человѣческое, но люди покрупнѣе, петербургскіе палачи, — они окаменѣли въ человѣконенавистническомъ гнѣвѣ, и ихъ сердца не дрогнутъ ни передъ чѣмъ...

Смотрѣть на страдающихъ за правду людей, Суханову было и горько, и обидно, и больно, и тяжело, но ничѣмъ помочь онъ не чувствовалъ себя способнымъ и потому рѣшилъ : пріѣду въ Сибирь на мѣсто службы, стану исполнять свой долгъ честно и хо-

рошо — и вотъ уже, значитъ, въ жизни будетъ немножко лучше: если и другіе станутъ разсуждать такъ же, какъ я, — не будетъ въ мірѣ зла, все пойдетъ по хорошему...

„Если и другіе“ — ладно это кроено, да не крѣпко шито. Сухановъ это самъ сейчасъ же увидѣлъ : его назначили по хозяйственной части на пароходъ (паровую шкуну). А все начальство на моряхъ, если не во грѣсѣхъ воровства родилось, то на службѣ унаслѣдовало такую пріятную привычку — облагать государство въ свою пользу. Крали всѣ — и командиры пароходовъ, и ихъ помощники, а Сухановъ долженъ былъ прикрывать ихъ воровство, завѣряя своею подписью ихъ фальшивыя бумаги. Сухановъ, понятно, не согласился на это, поднялъ бурю и даже добился того, что командиръ парохода былъ уволенъ. Но изъ этого еще вышло мало проку : воровство въѣлось въ самый мозгъ костей морского начальства, начальство такъ привыкло къ нему, что считало его самымъ обыденнымъ и честнѣйшимъ дѣломъ, а Суханова... человѣкомъ безчестнымъ. Всѣ его чуждались, сторонились, начальство свои оправданія писало такимъ языкомъ, что не разберешь, не то ли Сухановъ обличилъ кого въ воровствѣ, не то ли онъ самъ укралъ. Запутали дѣло до того, что люди не знающіе, встрѣчая фамилію Суханова говорили : „ахъ, да это Сухановъ... онъ что то тамъ по части кражи угля“...

Въ концѣ концовъ онъ бросилъ службу и вернулся въ Петербургъ. Здѣсь онъ узналъ, что его сестра и зять сосланы. Люди самые смирные, тихіе ; донесъ на нихъ какой то шалопай ради двугривеннаго на водку — и вотъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ и этихъ тихихъ людей окунули въ морозную крещенскую воду, прямо въ прорубь!... И такихъ случаевъ было много. Присматриваясь къ жизни, читая, знакомясь съ людьми, отдавшими себя на служеніе родинѣ, — Сухановъ все больше и больше убѣждался, что такъ дольше не можетъ и не должно продолжаться. Тяжело жить и тѣмъ, кого грабятъ, тяжело жить и тѣмъ, кто видитъ этотъ грабежъ, болѣетъ сердцемъ за свою родину, но долженъ молчать, ибо правительство насилуетъ его волю и слово. Рады и довольны только тѣ, кто состоитъ въ правительственной шайкѣ. Можетъ ли честный человѣкъ быть безмолвнымъ свидѣтелемъ гнусностей русской жизни ? Долго ли станутъ продолжаться онѣ ? Тѣмъ дольше, чѣмъ меньше людей будутъ бороться съ правительствомъ. У кого есть только даръ разумѣнія и сила честной воли — тотъ долженъ вступить въ ряды враговъ правительства.

И Сухановъ вступилъ, доблестно боролся тѣми средствами, которыя были въ ходу въ концѣ 70 и въ началѣ 80 годовъ, участвовалъ и въ приготовленіяхъ къ цареубійству, и кромѣ того въ привлеченіи на сторону народнаго дѣла военныхъ силъ (моряковъ)... „Мы должны погибнуть, но за нами идетъ народъ“ — говорилъ онъ не разъ... И онъ погибъ... Былъ разстрѣлянъ...

Вы видите изъ этой вкратцѣ разсказанной исторіи Суханова, какъ стоитъ остановиться около какой нибудь мелочи, чтобы эта мелочь стала ниткой, зацѣпившись за которую, вы уже должны распутывать весь клубокъ русской жизни. Моряки воруютъ — вотъ на первый взглядъ „мелочь“, но начните раскапывать ее и окажется, что это воровство находится подъ покровительствомъ великихъ князей, которые, состоя въ томъ же флотѣ, сами воруютъ и дѣлаютъ всякія безобразія, а лампадка князей зажигается спичкой царей, а рядомъ съ этими безобразіями стоятъ и другія, имъ же нѣсть числа... И ухватившись за одно, мысль все идетъ и идетъ впередъ и по сторонамъ...

У насъ для того, чтобы быть политическимъ преступникомъ — можно и не быть соціалистомъ. Всякій соціалистъ, — т. е. стремящійся къ уничтоженію господства Капитала и созданью царства Труда — непремѣнно „политическій преступникъ“, и рабочіе непремѣнно должны быть соціалистами, ибо только отъ соціализма они могутъ ожидать себѣ полнаго освобожденія отъ всякаго рабства; но политическій преступникъ — не непремѣнно соціалистъ, онъ можетъ быть даже безсознательнымъ человѣкомъ, вступающимъ въ борьбу съ правительствомъ, ибо оно стоитъ поперекъ его дороги (а кому оно не стоитъ поперекъ дороги?) или же сознательнымъ честнымъ человѣкомъ, которому не въ моготу и самому жить въ помойной ямѣ, и другихъ въ ней видѣть. Можетъ быть, даже и не вѣдая ни о какомъ соціализмѣ, а, можетъ быть, и не желая знать его, — онъ все же становится врагомъ правительства хотя бы уже потому, что (какъ поется въ одной нѣмецкой пѣснѣ) „кто знаетъ правду и не говоритъ ея — тотъ жалкій негодяй“. Онъ не хочетъ быть негодяемъ — онъ хочетъ быть честнымъ человѣкомъ. А если это его дѣйствительное желаніе, то ему легче легкаго стать врагомъ правительства (политическимъ преступникомъ), ибо честному человѣку съ „хозяевами русской жизни“ очень мудрено ужиться...

Когда всякій честный человѣкъ можетъ пригвоздить къ позорному столбу правительство — это значитъ, что наверху сидитъ уже даже не правительство, а просто казнокрады и душегубы. И мы пишемъ это не въ

качествѣ бранныхъ словъ, а просто отмѣчаемъ то, что есть. Въ самомъ дѣлѣ: недавно Турчаниновъ, адвокатъ защищавшій Карповича, говорилъ, что Карповичъ лучшій человѣкъ, какого только онъ встрѣчалъ, и что съ его мыслями надо бороться, если ужъ угодно, совсѣмъ по другому, чѣмъ борется правительство; если мы вспомнимъ другихъ адвокатовъ защищавшихъ политическихъ преступниковъ, — окажется, что они говорили тоже самое; напр. въ 1882 году, Королевъ, защитникъ Татьяны Лебедевой, говорилъ, что правительство хотѣло политическихъ „выдать за разбойниковъ и воровъ, но никогда люди болѣе достойные не сидѣли на скамьяхъ подсудимыхъ", и „при другихъ обстоятельствахъ подсудимые были бы судьями, а не преступниками". И это бросается публично въ лицо правительству — „всѣ лучшіе люди противъ него"...

Положимъ, что предсѣдатель суда не постѣснился приказать судебному приставу вывести г. Королева изъ залы, чтобы не выслушивать дальше такихъ же горькихъ истинъ, но, вѣроятно, и правительство не въ силахъ истинѣ заслѣпить глаза и замазать ротъ, если она прорывается даже изъ устъ *назначеннаго судомъ* защитника Карповича, г. Турчанинова!... Если всѣ лучшіе люди противъ правительства, если теперешними порядками никто недоволенъ (и это не разъ заявлялось на судѣ) — то что же изъ себя представляетъ правительство, какъ не разбойничье гнѣздо?

Со словомъ убѣжденія ему не къ кому обратиться — всѣ знаютъ, что это слово фальшивое и пустомельное, что какъ бы красиво ни обрядило его правительство, оно будетъ прикрывать собой язвы, — онѣ хоть и бываютъ иногда тоже красивы, но... врядъ ли ихъ кто любитъ. За поддержкой правительству опять таки некуда обращаться, т. е. хочу сказать, не къ честнымъ людямъ надо обращаться...

Тутъ же на судѣ ему приходилось выслушивать отъ адвокатовъ, что они, адвокаты, сами читаютъ запрещенныя книжки, даютъ ихъ другимъ читать и думаютъ, что всякій человѣкъ долженъ интересоваться тѣми вопросами, которые разбираются въ запрещенныхъ книжкахъ, — а между тѣмъ правительство доходило у насъ даже до того, что вѣшало за распространеніе книжекъ

и вѣшало не только взрослыхъ людей, но и подростковъ (какъ напр. мальчика Розовскаго въ Кіевѣ)!...

Правительство мало смущается тѣмъ, что каждый честный человѣкъ можетъ заклеймить его, а порою и клеймитъ. Правительственные дѣятели сами ругаютъ другъ друга... какъ бы половчѣе выразиться... самими собой: такъ министръ финансовъ Витте въ своей перепискѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ (переписка эта случайно попала въ заграничную печать) съ большой насмѣшкой и презрѣніемъ отзывается о полицейскихъ обязанностяхъ своего собрата по управленію страной, а мнѣ извѣстенъ случай, когда одинъ министръ внутреннихъ дѣлъ не подалъ руки полиціймейстеру, просившемуся на мѣсто губернатора, за то, что онъ раньше былъ предсѣдателемъ земской управы, а потомъ перешелъ въ полиціймейстеры...

Какую бы плюху ни получило правительство отъ честнаго человѣка, оно всегда утрется и будетъ продолжать свои дѣйствія. Слово убѣжденія въ его устахъ не можетъ дѣйствовать, обращаться за помощью къ честнымъ людямъ нельзя и безцѣльно, ему остается одно — кулакъ. И имъ оно работаетъ.

Но чѣмъ больше вооружается правительство, тѣмъ скорѣе увеличивается число политическихъ преступниковъ. Во первыхъ, тѣ суровыя мѣры, которыя принимаетъ оно противъ „преступниковъ“, озлобляютъ всѣхъ и вызываютъ сочувствіе къ „преступникамъ“ и ко всему тому, за что они боролись и борются... Во вторыхъ, въ погонѣ за истребленіемъ непокорства правительство гаситъ свѣтъ на родинѣ, уничтожаетъ все, что хоть мало-мальски можетъ быть опасно ему... А что ему не опасно? Крохотная стачка трехъ съ половиной рабочихъ — опасна... Устройство рабочихъ союзовъ или собраній — опасно... Желаніе добрыхъ людей устраивать безплатныя столовыя для голодающихъ... Опубликованіе въ газетахъ мерзостей какого нибудь губернатора... Предоставленіе хотя бы самой небольшой воли земствамъ... Чтенія для народа съ туманными картинами (и не только картины, а и самыя чтенія — туманныя) — опасно... Желаніе малороссовъ въ городѣ Полтавѣ своему писателю Котляревскому на поставлен-

номъ ему памятникѣ написать надпись на *малороссійскомъ* языкѣ (не по русски-де!) — опасно...

Опасно все, всякая жизнь въ народѣ, не опасна только смерть. И вотъ спокойствіе трона должно быть куплено гибелью жизни и сознанія въ странѣ. И, понятно, если правительство „опасается“, то опасаются и русскіе люди — опасаются, что та петля, которая затягивается на ихъ шеѣ, станетъ мертвой петлей, удушитъ ихъ, уничтожитъ самое жизнь и сдѣлаетъ людей идіотами... Воздуху, свѣта! — кричитъ человѣкъ съ петлей на шеѣ — рабочій, и не рабочій — и даже помимо своей воли стремится избавиться отъ всего того, что грозитъ внезапной и наглой смертью для его потребности къ лучшему.

Эта нѣмая Россія уже начинаетъ говорить по человѣчески и своимъ говоромъ доказываетъ, что она нѣма не отъ рожденія. Она говоритъ ропотомъ противъ царскаго своеволія, она говоритъ воззваніями къ уличнымъ собраніямъ толпы и самими собраніями, говоритъ рѣчами рабочихъ на судилищахъ, говоритъ рѣчами ихъ на громадныхъ тысячныхъ толпахъ, говоритъ страстнымъ словомъ призыва къ неустанной борьбѣ съ правительствомъ... Слѣпая народная толпа становится зрячей — она видитъ своего врага и въ россійской тьмѣ, она видитъ причины своихъ бѣдъ — или хоть начинаетъ видѣть — и то, что видитъ ея глазъ и слышитъ ея ухо, передается въ умъ и сердце, волнуетъ ихъ, огнемъ зажигаетъ кровь и толкаетъ на борьбу...

Скажите, похожа ли эта борьба на ту, которая ведется уголовными? Здѣсь чистое дѣло дѣлается чистыми руками, здѣсь людьми руководитъ стремленіе къ лучшему для всѣхъ, здѣсь человѣку не приходится стыдиться своихъ поступковъ, наоборотъ, онъ долженъ гордиться ими... Тамъ разбойничій набѣгъ на разбойниковъ, здѣсь судъ народный надъ угнетателями во имя того права на лучшее, которое сознается этимъ народомъ или его отдѣльными членами... Развитому рабочему это лучшее уже представляется, какъ совершенно новый, свой міръ, міръ всѣмъ обезпеченныхъ работниковъ — и хлѣбомъ для брюха, и хлѣбомъ для духа... Міръ, въ которомъ работники станутъ хозяевами всего, и будетъ немыслимо „престу-

пленье противъ собственности", (кража, грабежъ, убійство изъ-за денегъ и проч.), ибо не будетъ никакой собственности богачей, а все станетъ принадлежать всѣмъ работающимъ, какъ справедливая оплата ихъ труда...

И такимъ образомъ, политическій преступникъ есть борецъ и за уголовнаго — за то, чтобы не было этихъ уголовныхъ... Уголовное преступленіе страшно развращаетъ человѣка, разжигаетъ въ немъ самыя дурныя, самыя грязныя страсти... Политическое „преступленье" воспитываетъ въ человѣкѣ самыя лучшія чувства, помогаетъ ему сдѣлаться хорошимъ и дѣйствительно достойнымъ названія человѣка... Нѣтъ большаго, какъ душу свою положить за други своя — и именно это въ концѣ концовъ и долженъ дѣлать борецъ, выступающій противъ правительства, противъ хозяевъ, противъ всѣхъ вредныхъ порядковъ въ мірѣ... Человѣкъ, признающій себя соціалистомъ, борцомъ за свободу, за благо всѣхъ—прежде всего долженъ быть честнымъ, хорошимъ человѣкомъ... Иначе онъ не можетъ быть и борцомъ — на него нельзя будетъ положиться ни въ чемъ, да и хорошее дѣло въ плохихъ рукахъ всегда испачкается и вмѣсто того, чтобы привлекать къ себѣ новыхъ сторонниковъ, станетъ вызывать лишь презрѣніе и пренебреженіе...

Это мы должны постоянно помнить и быть чистыми во имя той чистой и святой борьбы, которую ведемъ мы съ капиталистами, съ правительствомъ, со всѣмъ, угнетающимъ человѣка. Пусть цари и ихъ прислужники обдаютъ насъ грязью, зачисляютъ насъ въ уголовные —эта грязь къ намъ не пристанетъ, если ее не будетъ на насъ самихъ. Пусть судьи назовутъ Карповича самыми непотребными словами, но первый же весенній дождь — наше пробужденіе къ сознанію — смоетъ съ него всю судейскую нечисть...

Къ намъ, россійскимъ работникамъ, переходитъ красное знамя по наслѣдству отъ нашихъ европейскихъ братьевъ. Будемъ помнить, что на этомъ знамени никогда не было пятна позора, не опорочено оно никакими злодѣяніями и преступленіями противъ Справедливости и Правды. Мы не должны бросить на него черной тѣни, не смѣемъ ничѣмъ осквернить это побѣдное знамя. Оно должно намъ непрестанно говорить о дале-

кихъ цѣляхъ нашей работы, о томъ великомъ будущемъ, когда дѣйствительно настанетъ миръ для міра, и въ то же самое время красный цвѣтъ нашего боевого знамени долженъ быть для насъ напоминаніемъ о крови, которая была принесена въ жертву тѣми, кто любилъ отчизну больше, чѣмъ самого себя, и благо всѣхъ цѣнилъ дороже своей жизни... Мы никогда не забудемъ этихъ „преступниковъ“ и сами постараемся быть такими же преданными дѣлу, какъ они...

БИБЛІОТЕКА
АКАДЕМІИ.

ИЗДАНІЯ

революціонно - соціалистической группы „ СВОБОДА

---

1) „Свовода", журналъ для рабочихъ № 1.
2) „Свобода" „ „ „ № 2.
3) „Отклики", газета - журналъ № 1.
4) Приложеніе къ № 1 „Откликовъ".
5) Евреи ли наши враги? (отд. отт. изъ № 2 „Свободы").
6) Рабочіе и интеллигенція, (отд. отт. изъ прилож. къ „Откликамъ" № 1.
7) Изъ современной жизни (Тихорѣцкій погромъ и Отъ розги къ желтому билету).
8) Возрожденіе революціонизма въ Россіи, брош.
9) Канунъ революціи, № 1.
10) Положеніе вынуждаетъ? брош.
11) Царское самовластіе въ Россіи. (изъ № 1-го „Свободы").
12) О либерализмѣ вообще и о дебютахъ гг. Струве въ частности. Отдѣльный оттискъ изъ 2-го изд. „Возрожденія".
13) Русское простофильство и европейское менторство. Тоже.